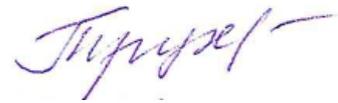

На правах рукописи

Труханова Дарья Сергеевна

**МИТИГАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ
ПАРЛАМЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ**

10.02.01 – Русский язык

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2021

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» на кафедре общего и русского языкознания

Научный руководитель: кандидат филологических наук
Саакян Левон Николаевич

Официальные оппоненты:

Клушина Наталья Ивановна, доктор филологических наук, профессор, федеральное бюджетное государственное образовательное учреждение высшего образования «МГУ имени М.В. Ломоносова», кафедра стилистики русского языка, профессор

Селезнёва Лариса Васильевна, доктор филологических наук, доцент, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет», гуманитарный факультет, доцент

Ведущая организация:

федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Защита состоится 20 мая 2021 г. в 12.00 на заседании диссертационного совета Д 212.047.02, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина», по адресу: 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, б.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина» и на официальном сайте: <http://www.pushkin.edu.ru/>

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина»: https://www.pushkin.institute/science/dissovet/detail.php?ELEMENT_ID=27824

Автореферат разослан «____» _____ 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук

Э.А. Китанина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертационное исследование посвящено анализу публичной речи политиков в современном российском парламенте. В работе в русле дискурсивного и лингвопрагматического подходов рассматриваются митигативные стратегии и тактики политика – представителя исполнительной власти – в общении с представителями законодательной власти в рамках коммуникативного события «правительственный час».

Актуальность работы определяется рядом факторов: актуальностью дискурсивного подхода к исследованию языка; значимостью политического дискурса для функционирования государства и общества, в котором сегодня преобладают процессы юридизации, политизации и медиатизации; диспропорциями в исследованиях политического дискурса – недостаточной изученностью дискурса законодательной и исполнительной властей, определяющих социально-политическую ситуацию в стране, повестку в СМИ и вариативно проявляющихся в языке и речи; потребностью в анализе публичного коммуникативного поведения политика для решения практических задач в государственном управлении и политологии.

Объектом исследования является публичная речь приглашенного должностного лица – представителя исполнительной власти – в ситуации публичного общения с представителями законодательной власти в рамках коммуникативного события «правительственный час» в российском парламенте.

Предметом исследования – митигативные стратегии и тактики, к которым прибегает приглашенное должностное лицо – представитель исполнительной власти – в ситуации публичного общения с представителями законодательной власти в рамках коммуникативного события «правительственный час» в российском парламенте.

Гипотеза исследования: приглашенный в Государственную Думу/ Совет Федерации представитель исполнительной власти, попадая в коммуникативно

уязвимую позицию, прибегает к продуманной стратегии митигации, которая позволяет говорящему выразить ликоугрожающие интенции безопасным способом, снизить потенциальные коммуникативные риски и сохранить институциональное лицо.

Степень научной разработанности темы. В лингвистических исследованиях феномен митигации (от лат. *mitigare*, то есть ‘смягчать’, ‘ослаблять’) за последние 50 лет изучения не получил точной дефиниции. В современных исследованиях митигация чаще рассматривается как универсальная, но варьируемая с точки зрения содержания и формы в разных лингвокультурах и типах дискурса коммуникативная (прагмалингвистическая) категория, связанная с когнитивным процессом оценки коммуникативной ситуации – определением возможных коммуникативных рисков и поиском наиболее оптимальных стратегий и тактик минимизации этих коммуникативных рисков для сохранения лица говорящего.

Митигация исследуется в бытовом и институциональном общении, в первую очередь в медицинском, научном, деловом, политическом и судебном дискурсах на материале русского, английского, немецкого, испанского и других языков [Caffi 2007; Czerwionka 2010; Delbene 2004; De Rycker 2014; Ionescu-Ruxăndoiu 2010; Malyuga, Orlova 2018; Fraser 1980; Каракулова 2016; Малыгина 2008; Тахтарова 2010; Эзех 2019 и мн. др.]. Ученые обращают внимание на описание способов реализации митигации в гендерном аспекте [Flores-Ferran 2020]. Значительное количество исследований митигации проведено в лингвометодическом аспекте [Bataller 2016; Flores-Ferran 2020; Félix-Brasdefer 2008; Lovejoy 2015 и мн. др.].

Митигация признается универсальным градуируемым явлением, специфически реализующимся в разных культурах и типах дискурса разноуровневыми языковыми средствами, которые служат основой для построения митигативных стратегий и тактик [Martinovski 2007; Schneider 2010; Тахтарова 2010 и др.].

Российские исследователи уделяли не меньше внимания изучению феномена митигации, однако не использовали специализированную метаединицу [Китик 2004; Милянчук 2005; Падучева 2007; Поспелова 2001; Трусова 2003 и мн. др.]. Работы этих ученых наряду с зарубежными исследованиями послужили основой для создания отечественной научной школы изучения митигации [Тахтарова 2010; Каракулова 2016; Эзех 2018 и др.]. Ее представители обращают внимание и на особенности функционирования митигации в политическом дискурсе [Тахтарова 2010; Каракулова 2016], но таргетированные исследования особенностей функционирования митигации в институциональных жестко ритуализованных русскоязычных политических субдискурсах не проводились.

Цель настоящей работы – изучить особенности реализации коммуникативно-прагматического феномена митигации в современном русскоязычном парламентском дискурсе.

Для решения поставленной цели мы определили круг **задач**:

- выявить дискурсивные характеристики правительственного часа как коммуникативного события и прагмалингвистические особенности коммуникативного поведения его участников;
- уточнить конститутивные признаки митигации в современном российском парламентском дискурсе в рамках коммуникативного события «правительственный час»;
- выделить и объяснить митигативные стратегии и тактики, используемые приглашенным на правительственный час должностным лицом;
- описать типичные средства реализации митигативных стратегий и тактик, используемых приглашенным на правительственный час должностным лицом.

Материалом исследования являются стенограммы и видеозаписи заседаний Государственной Думы VII созыва и Совета Федерации, представленные на официальных сайтах организаций, за 2016–2019 гг. Проанализированы 36 стено-

грамм и видеозаписей заседаний Государственной Думы VII созыва; 51 стенограмма и видеозапись заседаний Совета Федерации за аналогичный период, 130,5 часов видеоматериала.

Цели и задачи работы потребовали применения синтеза различных исследовательских **методов и приемов**: общенаучных методов исследования (наблюдение, описание, интерпретация, сопоставление, обобщение и классификация исследуемого материала) и частных методов лингвистического анализа (когнитивно-дискурсивный, лингвопрагматический, социолингвистический (анкетирование), статистический).

Теоретической и методологической базой исследования стали многочисленные научные работы российских и зарубежных лингвистов:

- по теории коммуникации и теории дискурса [Арутюнова 1999; Борботько 2011; Демьянков 2007; Иссерс 2006; 2011; Карасик 2000; 2002; 2003; 2010; 2015; Кибрик 2003; Красных 1999; Кубрякова 2012; Макаров 2003; Седов 2016 и др.];

- по политической коммуникации [Базылев 1997; Борисова 2009; Воробьева 2000; ван Дейк 1989; 2013; Демьянков 2002; Михалева 2009; Паршин 2000; 2000; Паршина 2005; Чернявская 2006; Чудинов 2003; 2012; Шапочкин 2012; Шейгал 2000; 2002; 2004 и др.] и парламентскому дискурсу в частности [Bauley 2004; Пие 2010; Weiss 2012; Алферов 2007; 2016; Баранов 1991; Гатин 1998; Каблуков 2007; Макаров 1998; Правикова 2018 и др.].

- по (не)прямой коммуникации и имплицитным смыслам [Арутюнова 1999; Борисова 1998; Вольф 2002; Дементьев 2006; Заботкина 2012; Зализняк 2013; Колшанский 2007; Поспелова 2001; Падучева 1985 и др.];

- по митигации, смежным категориям, особенностям их языковой репрезентации [Азарова 1981; Александрова 2003; Каракулова 2016; Ларина 2009; Малышкин 2015; Милянчук 2005; Саакян 2010; Тахтарова 2010; Эзех 2018; Caffi 2007; Cherwionka 2010; Fraser 1980; Flores-Ferrán 2020; Martinovsky 2000; 2003; 2005; 2006; Schneider 2010 и др.].

Научная новизна исследования определяется его объектом и предметом. Сам по себе недостаточно изученный русскоязычный парламентский дискурс впервые рассматривается с точки зрения функционирования в нем коммуникативной (прагмалингвистической) категории митигации.

Теоретическая значимость работы состоит в концептуализации подходов российских и зарубежных лингвистов к описанию явления митигации; уточнении основных лингвопрагматических характеристик современного русскоязычного парламентского дискурса и правительственного часа как одной из форм его реализации; выявлении и объяснении митигативных стратегий и тактик в современном российском парламентском дискурсе; углублении представлений о митигативном потенциале разноуровневых языковых средств.

Практическая ценность исследования заключается в возможности использовать его результаты в практике лингвопрагматического анализа; при создании практических руководств по оптимизации институциональной коммуникации для политиков и специалистов по связям с общественностью; в качестве иллюстративного материала для лекционных и практических занятий по современному русскому языку, теории коммуникации и политической лингвистике, а также при разработке специализированных пособий для иностранных учащихся на продвинутом этапе обучения русскому языку.

Объем проанализированного материала, соблюдение логико-научных принципов и нормативов теоретического и эмпирического исследования, применение совокупности научных методов и приемов лингвистического анализа обеспечивают **достоверность и обоснованность выводов**, отраженных в работе.

Проведенное исследование позволяет вынести на защиту следующие положения:

1. Наиболее важными дискурсивными характеристиками правительственного часа в Государственной Думе и Совете Федерации, рассматриваемого как коммуникативное событие парламентского дискурса, являются повышенная

ритуализованность, текстоцентричность, структурированность, наличие типовых участников – агентов и контрагентов с закрепленными коммуникативными ролями.

2. Митигация контрагента парламентского дискурса обусловлена институциональностью и ритуализованностью коммуникации и сводится к коррективке (с помощью коммуникативных стратегий и тактик, снижающих агональность, импозитивность и категоричность речи) высказываний, нарушающих обусловленные социальным контекстом нормы отношений между субъектами парламентского дискурса и негативно сказывающихся на институциональном лице говорящего.

3. На основе общей семантики, прагматических функций и типовых средств вербализации в поведении контрагента парламентского дискурса представляется целесообразным выделить митигативные стратегии позитивной самопрезентации, солидаризации, вывода из фокуса нежелательной информации, демонстрации эпистемологической осторожности, митигативной аргументации, которые уточняются в присущих им коммуникативных тактиках.

4. Митигативные стратегии и тактики в речи приглашенного должностного лица реализуются рядом лексических (вводные конструкции, дискурсивные слова, специфические эвфемизмы и др.) и морфосинтаксических (имперсональные конструкции, формы совместного действия, видовременные формы глаголы и др.) средств.

Структура и объем диссертационного исследования. Работа состоит из введения, 3 глав, выводов по каждой из глав, заключения, библиографического списка, включающего более 300 наименований на русском, английском, немецком и испанском языках, 7 приложений. Общий объем работы составляет 267 страниц, из них 245 страниц основного текста.

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены на заседаниях аспирантского объединения ФГБОУ ВО «Гос. ИРЯ им. А.С. Пушки-

кина», заседаниях кафедры общего и русского языкознания и заседаниях кафедры стажировки зарубежных специалистов, конференциях разного уровня: II Международная заочная конференция «Язык. Культура. Коммуникация» (20 апреля 2018 г., г. Москва); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Приоритеты современной филологической науки в осмыслении поликультурного пространства» (6-7 декабря 2018 года, Республика Башкортостан, г. Уфа); XXVI Международная научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (8-10 апреля 2019 г., г. Москва); III международная научно-практическая конференция «Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования» (11-12 апреля 2019 года, г. Пятигорск); III Международная конференция «В мире русского языка и культуры» (25 апреля 2019 г., г. Москва); XX Кирилло-Мефодиевский фестиваль славянских языков и культур (22-24 мая 2019 г., г. Москва); VII Международная научно-практическая конференция «Гуманитарные технологии в современном мире» (30 мая – 1 июня 2019 г., г. Калининград); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Современная коммуникативистика: наука – практика – специальность», посвященная 80-летию профессора О.Я. Гойхмана (21 июня 2019 г., г. Москва); Международная научно-практическая конференция «Новая реальность и современные коммуникативные технологии» (23-25 октября 2019 г., г. Москва).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, формулируется его цель, определяются объект и предмет, характеризуются теоретическая база, материалы и методы, раскрываются научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, приводятся сведения об апробации.

В первой главе «Метаязык исследований политического дискурса», включающей 4 параграфа, излагаются теоретические основания работы, приводятся дефиниции и ключевые характеристики понятий «дискурс», «политический дискурс» и «парламентский дискурс», «правительственный час».

В первом параграфе «Вариативность дефиниций понятия “дискурс”» дан критический обзор определений дискурса в лингвистике (Н.Д. Арутюновой, В.Г. Борботько, В.З. Демьянкова, В.И. Карасика, Кибрик, В.В. Красных, Е.С. Кубряковой, М.Л. Макарова, Ю.С. Степанова, П. Сериио и др.). Проведенный анализ позволил выделить ключевые дифференцирующие признаки этого понятия: дискурс, отражая, как и текст, внеязыковую действительность, одновременно конструирует новую реальность; соотнесён с процессом коммуникации; формируется под влиянием экстралингвистических факторов. Дискурс рассматривается как форма существования языка и воплощения в языке когнитивных моделей — структуры знаний о речи, речевой деятельности, её участниках, которые объективируются в речевой деятельности через использование определенных языковых единиц.

Во втором параграфе «Понятие “политический дискурс”» проанализированы подходы к типологии дискурсов и критериям выделения политического дискурса (А.Н. Баранов, В.И. Карасик, П.Б. Паршин, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал).

Выделяемый по социолингвистическим критериям (принадлежность субъектов дискурса к определенной социальной группе, специфика речеповеденческой ситуации) политический дискурс может трактоваться предельно широко, согласно противоположному взгляду политическим дискурсом признаётся только профессиональное общение политиков. Примиряет полярные взгляды точка зрения, согласно которой в политическом дискурсе можно выделить ядерную (институциональный политический дискурс) и периферийную (бытовое общение на политические темы) части. Первая представляет собой целенаправлен-

ное использование языка политическими субъектами в сфере институциональной коммуникации с учетом её типовых и ситуативных внеязыковых и языковых характеристик. Это дискурс политических институтов, осуществляющих процесс формирования, функционирования и постоянной трансформации политической системы. К ним относится и парламентский дискурс.

В третьем параграфе «Конститутивные признаки политического дискурса» на основе метаанализа исследований политической лингвистики (В.Н. Базылев, В.З. Демьянков, М.Л. Макаров, А.П. Чудинов, Е.И. Шейгал, П. Бейли, Р. Водак и др.) выделены наиболее значимые характеристики политического дискурса: ритуализованный характер, условная информативность (как следствие, фантомность, фидеистичность, эзотеричность), конфликтная (агональная) природа, манипулятивность и персуазивность, театральность, оценочность, экспрессивность, диалогичность (проявляющаяся во взаимодействии адресатов, в ориентированности на адресата, в интертекстуальности), динамический характер (как трансформация политического дискурса под действием экстралингвистических факторов), медиатизированность. На функциональном уровне к основным характеристикам политического дискурса относятся регулятивная функция и функция борьбы за власть. Выделенные характеристики по-разному проявляются в политических субдискурсах.

В четвёртом параграфе «Специфика русскоязычного парламентского дискурса» уточняются характеристики русскоязычного парламентского дискурса.

Парламентский дискурс активно исследуется в России (А.В. Алфёров, А.Н. Баранов, Е.Н. Белова, А.Б. Верзун, Д.Ю. Гатин, С.А. Громыко, Е.Г. Казакевич, Е.В. Каблуков, Л.В. Куликова, М.В. Китик, Л.В. Правикова, Н.Л. Файбышенко и мн.др.) и за рубежом (П. Бейли, П. Балл, К. Илие, Д. Вайс и др.). Современный русскоязычный парламентский дискурс – дискурс Федерального Собрания – изучен недостаточно, что объясняется исследовательскими традициями.

Русскоязычный парламентский дискурс имеет жесткую иерархическую структуру, характеризуется повышенной ритуализованностью, театрализованностью, текстоцентричностью, тесной связью с административным и деловым дискурсами, как следствие, сниженной фидеистичностью, эзотеричностью и агональностью. Парламентский дискурс имеет основные функции политического дискурса, но важную роль играют совещательная, распорядительная и представительская функции.

Субъекты парламентского дискурса – носители определенных институциональных функций делятся на агентов (носителей институциональности) – парламентариев, контрагентов – участвующих в работе парламента должностных лиц, клиентов – наблюдателей, удаленного массового адресата. Деятельность контрагентов в парламенте связана с институциональными функциями этого органа власти, поэтому рассматривается нами как часть парламентского дискурса.

Основными формами реализации русскоязычного парламентского дискурса являются коммуникативные события – определенные с точки зрения времени и пространства целостные, социально мотивированные процессы речевого взаимодействия коммуникантов: заседания Государственной Думы и Совета Федерации (далее – ГД, СФ соответственно), заседания входящих в обе палаты парламента комитетов, комиссий и др. парламентских органов и структур, а также круглые столы, конференции.

Пленарное заседание ГД / СФ как прототипическая форма реализации парламентского дискурса является коммуникативным макрособытием, состоит из малых коммуникативных событий, к которым относится и правительственный час – время встречи приглашенных должностных лиц (контрагентов парламентского дискурса) с депутатами и сенаторами (агентами парламентского дискурса).

Правительственный час в ГД / СФ – это ритуализованное планируемое коммуникативное событие, проводится в строго отведенное время и в строго определенном месте, имеет одинаковые узловые структурные элементы: отчет

приглашенного должностного лица, выступление аудитора Счётной палаты, ответы приглашенного должностного лица на вопросы парламентариев, резюмирующие выступления.

Отношения между участниками коммуникативного события асимметричны: представители исполнительной власти, деятельность которых является объектом парламентского контроля, находятся в уязвимой позиции. Это заставляет контрагента парламентского дискурса обращаться к митигации, так как он стремится сократить уязвимость институционального лица. Наиболее активно используется митигация при снижении текстоцентричности коммуникации, то есть в ответах контрагента на вопросы парламентариев.

Во второй главе «Уточнение дефиниции понятия “митигация”», состоящей из четырех параграфов, рассмотрены ключевые характеристики данного феномена.

В первом параграфе «Понятие “митигация” в разных исследовательских парадигмах» предпринята попытка концептуализировать основные подходы к изучению этого явления.

В менеджменте англицизм «митигация» (и дериваты) употребляется как термин для обозначения системы мер, направленных на уменьшение вероятности наступления рискованного события, то есть такого события, в результате которого возрастает вероятность каких-либо потерь. Как лингвистический термин «митигация» используется с конца 1970-х – начала 80-х, в том числе благодаря работам Б. Фрейзера, который определяет митигацию как процесс трансформации речевого акта посредством уменьшения иллокутивной силы высказывания, что позволяет предотвращать нежелательных результатов коммуникации – избегать коммуникативных неудач. Отталкиваясь от исследования Б. Фрейзера, зарубежные и российские лингвисты сужают, а в некоторых случаях – расширяют объем понятия «митигация». Митигация рассматривается как риторический прием (А.П. Марюхин), коммуникативная тактика (Е.Н. Малюга и С.Н. Орлова), коммуникатив-

ная (прагмалингвистическая) категория (С.С. Тахтарова, К. Каффи, Б. Мартиновски, Л.А. Червионка, С. Шнейдер и др.). Последний подход учитывает достижения исследователей прошлого и рассматривает митигацию как варьируемую с точки зрения содержания и формы в разных лингвокультурах и типах дискурса коммуникативную (прагмалингвистическую) категорию, связанную с когнитивным процессом оценки коммуникативной ситуации – определением возможных коммуникативных рисков и поиском наиболее оптимальных стратегий и тактик минимизации этих коммуникативных рисков для сохранения лица говорящего.

Митигативные стратегии и тактики определяются митигативной гиперстратегией сокращения уязвимости говорящего лица и связаны с основными прескрипциями коммуникативной категории митигации – антиконфликтностью, неимпозитивностью, эмоциональной сдержанностью, глорификацией. Содержание митигативных прескрипций уточняется применительно к разным типам дискурсов, как и набор конкретных дополняющих друг друга митигативных стратегий и тактик. Тактика в данном случае понимается как конкретное аспектное проявление стратегии, имеющее конкретную цель, прагматические координаты актуализации и набор средств реализации.

Во втором параграфе «Митигация и смежные понятия» рассматривается митигация в ряду смежных явлений.

Митигация связана с понятием «**вежливость**», но не тождественна ему (Б. Фрайзер, К. Каффи, Д. Дельбене, Н. Флорес-Ферран, С.С. Тахтарова, С.Ш. Каракулова и др.). Митигация определяется как субкатегория категории вежливости (С.С. Тахтарова). Рассматривая вежливость как формальную характеристику общения (К.М. Шилихина), что актуально в исследованиях институциональных дискурсов, можно говорить о том, что митигация упакована, как правило, в вежливые формы, при этом форма и содержание могут находиться в конфликтных отношениях.

Хеджирование определяется как средство снижения определенности высказывания, которое может служить разным целям говорящего, в том числе реализации категории митигации (Б. Фрейзер, К. Каффи, Б. Мартиновски, С. Шнейдер и др.).

Глорификация подразумевает повышение коммуникативного статуса собеседника, что согласуется с прескрипциями категории митигации, а средства глорификации обладают митигативным потенциалом.

Эвфемизация – насыщение речи эвфемизмами – рассматривается как одна из митигативных тактик (Л.Н. Саакян, С.С. Тахтарова, С.Ш. Каракулова, О.Д. Пастухова).

Одни исследователи стремятся развести понятия «митигация» и «**манипуляция**» (С.С. Тахтарова, С.Ш. Каракулова, А.О. Эзех и др.), опираясь на представление о манипуляции как негативном явлении с точки зрения этики (Е.Л. Доценко, С.Г. Кара-Мурза, О.Л. Михалёва, Г.А. Копнина и др.). Вместе с тем, рассматривая безоценочные дефиниции «манипуляции» (П.Б. Паршин, К.Ф. Седов, И.А. Стернин, С. Samuelsson, J. Anward), некоторые лингвисты подчеркивают манипулятивный потенциал митигации (Е.Н. Малюга, С.Н. Орлова и др.).

Третий параграф «Метакоммуникативная объективация митигации» посвящен анализу семантики и прагматики метакоммуникативных выражений – маркеров митигации («мягко говоря», «мягко выражаясь»).

Анализ показал, что могут быть выделены 4 типовых ситуации употребления метакоммуникативного рефлексива «мягко говоря» на основе 3 формальных критериев: 1) наличие метарефлексива; 2) наличие типовых средств реализации коммуникативной категории смягчения (например, эвфемистические замены, модусные операторы и т.д.); 3) степень конфликтности ситуации (наличие / отсутствие потенциально конфликтных интенций): 1. метарефлексив + митигативные формы для выражения потенциально конфликтных интенций (Чиновник в интервью признаёт, что отношение к службам ЖКХ небезосновательно отрицательное: *Отношение к ЖКХ, мягко говоря, неважное ('резко негативное')*); 2.

метарефлексив + митигативные формы вне потенциально конфликтных ситуаций (Преподаватель сообщает студентам в начале лекции по тестологии: *Составление тестов – дело, мягко говоря, непростое ('сложное')*); 3. метарефлексив без использования смягченной формы при выражении интенции негативной оценки / критики): (*Насколько я понимаю, он, мягко говоря, некомпетентный профан*); 4. метакоммуникативный рефлексив сопровождает потенциально неконфликтную интенцию (*Мягко говоря, он крут*). Представляется возможным эксплицировать значение метарефлексива «мягко говоря» таким образом: *'Я считаю, что выбранный собеседником способ вербализации не отражает в полной мере реальную ситуацию'*. Метарефлексив указывает на использование митигативной формы в конкретном высказывании, при этом выбранная форма может противоречить митигативным прескрипциям.

В четвёртом параграфе **«Функционирование митигации в парламентском дискурсе»** уточняется содержание митигативных прескрипций в коммуникативном поведении контрагента парламентского дискурса – приглашенного на правительственный час должностного лица – во время ответов на вопросы парламентариев.

Контрагент агонального по своей природе парламентского дискурса стремится защитить институциональное лицо, для чего прибегает к митигации. Митигация связана с формальной вежливостью и вынужденными антиконфликтностью, некатегоричностью, неимпозитивностью, эмоциональной сдержанностью, глорификацией. Антиконфликтность митигации в данной ситуации в некоторой степени условна.

Митигации подвергаются интенции, выражение которых не вписывается в обусловленные контекстом нормы отношений между агентами и контрагентами парламентского дискурса – участниками коммуникативного события, например, это директивы, несогласия, отказы. Митигации также подвергаются те компо-

ненты высказывания, которые могут стать причиной отрицательной оценки деятельности контрагента, например, сообщения о неэффективной работе властей, ошибках и др.

В третьей главе «Митигативный инструментарий в парламентском дискурсе», состоящей из семи параграфов, рассматриваются митигативные стратегии и тактики, реализующие гиперстратегию митигации в речи контрагента парламентского дискурса – приглашенного на правительственный час в ГД / СФ должностного лица.

В первом параграфе «Стратегия позитивной самопрезентации» в рамках означенной стратегии определяются тактики, позволяющие контрагенту парламентского дискурса создать положительный имидж и тем самым сократить уязвимость институционального лица.

Тактики указания на активную работу, намерение прикладывать дополнительные усилия реализуются многочисленными лексическими и морфосинтаксическими способами (ряды однородных сказуемых, выраженных последовательно глаголами совершенного вида) и позволяют приглашенному должностному лицу указать на вовлеченность в рабочий процесс, тем самым сняв потенциальные обвинения в некачественной работе.

Тактика представления вопроса как обсуждаемого, реализуемая при помощи клишированных конструкций с глаголами речевой деятельности (*неоднократно ставить вопрос, постоянно обсуждать, поднимать вопрос и др.*), позволяет создать иллюзию ведущейся работы.

Приглашенное должностное лицо при помощи клишированных конструкций с семантикой движения стремится представить понимание обсуждаемой проблемы и движение к её решению как реальный результат работы. Это позволяет выделить **митигативную тактику представления застоя как движения**.

Тактика представления проблемы как временно нерешенной реализуется введением наречий и наречных сочетаний со значением ограничения во времени (*пока (что / ещё), временно*) и позволяет приглашенному должностному

лицу указать на временный характер государственных проблем, в которых он может быть прямо или косвенно обвинён.

Тактика подчеркивания имеющихся результатов реализуется при помощи наречий и наречных сочетаний, указывающих на момент речи как на промежуточную границу временного периода, в течение которого велась работа (*на сегодняшний день, (на) сегодня, на данный момент, к настоящему времени / моменту и / или уже, и др.*), что позволяет приглашенному должностному лицу подчеркнуть, какой объем работы проделан к моменту начала коммуникативного события, соотнести его с настоящим временем и имплицитно указать, что работа ведётся.

Тактика представления проблемы как решаемой здесь и сейчас позволяет приглашенному должностному подчеркнуть, что работа ведется постоянно. Эта тактика реализуется при помощи сочетаний наречий, актуализирующих перечисляемые должностным лицом действия в настоящем времени (*вот; как раз; буквально; только что, в (самое) ближайшее время / ближайшие дни / в (самом) ближайшем будущем / в скором времени / в кратчайшие сроки*).

Во втором параграфе «Стратегия солидаризации (“свой-чужой”)» описываются используемые приглашенным должностным лицом тактики дистанцирования и интимизации, позволяющие ему в зависимости от обстоятельств то подчеркнуть иерархию отношений агентов и контрагентов, то нивелировать её значение.

Тактика выражения сожаления, реализуемая при помощи вводных слов и клишированных выражений (*к сожалению; мы сожалеем; нам жаль; мы вынуждены; нам приходится*), позволяет приглашенному должностному лицу в ситуациях выражения несогласия с мнением агента парламентского дискурса продемонстрировать, что сообщаемая информация оценивается негативно, тем самым показать эмпатию по отношению к адресату и подчеркнуть, что их системы ценностей идентичны. Схожий механизм митигативного воздействия у тактики **демонстрации установки на доверительное общение**, реализуемой вводными

словами и конструкциями с соответствующей семантикой (*если честно; честно / открыто / откровенно / прямо говоря / сказать; скажу (скажем) честно / прямо; надо сказать прямо / честно и др.*).

Псевдосогласие и его разновидности, реализуемые клишированными фразами, позволяют приглашенному должностному лицу также продемонстрировать эмпатию контрагенту и подчеркнуть общее в их системах ценностей, тем самым дефокусировать внимание адресата при выражении ликоугрожающей интенции (*Да, вы абсолютно правы, это важная проблема, но...*).

Приглашенное должностное лицо эксплуатирует идею о единстве и разделении властей, прямыми (императивы, формы совместного действия) и косвенными способами **приглашая агентов парламентского дискурса к совместной работе с контрагентами и стремясь разделить ответственность** между представителями различных ветвей власти.

Тактика глорификации позволяет приглашенному должностному лицу повысить дискурсивный статус коммуниканта прямыми и косвенными способами, тем самым сместить фокус внимания адресата с «опасной» для авторитета институционального лица информации.

В третьем параграфе «Стратегия вывода из фокуса нежелательной информации» рассматриваются тактики деинтенсификации, снижения определенности высказывания, деперсонализации и эвфемизации, позволяющие вывести из фокуса внимания адресата ликоугрожающую информацию.

Тактика деинтенсификации. Используя наречия и наречные словосочетания, местоимения (*немного, несколько, очень и совсем с отрицательной частицей не и др.*), глаголы уменьшительно-ограничительного способа действия, приглашенное должностное лицо снижает интенсивность ликоугрожающих интенций.

Тактика снижения определенности высказывания, реализуемая неопределенными местоимениями и дискурсивными словами с семантикой неопределенности (*в принципе / в целом / в общем / в основном / практически и др.*),

позволяет приглашенному должностному лицу размыть ликоугрожающие интенции.

Деперсонализация. Исключение субъекта действия / состояния в определенных прагматических координатах также позволяет снизить определенность и интенсивность высказывания, к чему и стремится ПДЛ при выражении ликоугрожающих интенций.

Тактика эвфемизации предполагает использование приглашенным должностным лицом особых групп митигативных эвфемизмов: маскировка неэффективной работы властей и недостатков в существующей системе управления, конфликты с другими органами власти и организациями, негативное отношение общества к действиям властей и др.

В четвертом параграфе «Стратегия демонстрации эпистемологической осторожности» рассматриваются **тактики демонстрации неуверенности, подчеркивания субъективности мнения и маскировки мнения под общеизвестную истину.** Они реализуются преимущественно введением модальных операторов с соответствующей семантикой и позволяют приглашенному должностному лицу вариативно снимать с себя ответственность за свои действия, проявляя эпистемологическую осторожность.

В пятом параграфе «Митигативная аргументация» описываются аргументы, с помощью которых приглашенное должностное лицо в потенциально конфликтных ситуациях вводит пресуппозиции, позволяющие ему сохранить свой авторитет, а при возможности даже повысить. Аргументы используются приглашенным должностным лицом при комментировании какой-либо ситуации, угрожающей его авторитету / авторитету представляемого им органа власти (используются ссылки на сложную внешнеполитическую обстановку и / или экономическую ситуацию; несовершенства законодательной системы; сложность проблемы; наличие приоритетных задач), при выражении несогласия с мнением

парламентариев и внесении предложений (указания на неблагоприятные последствия в случае реализации предложенной идеи), потенциально не соответствующих ожиданиям адресата (предполагаемая польза для государства, населения).

В шестом параграфе «Этикетные единицы в структуре митигативных стратегий и тактик» рассматривается митигативный эффект используемых приглашенным должностным лицом извинений, ритуализованных и неритуализованных благодарностей, обращений и особенности их использования в качестве средств реализации митигативных тактик.

В седьмом параграфе «Взаимодействие митигативных стратегий и тактик» подчеркивается, что классификация митигативных стратегий и тактик не является жесткой, митигативные стратегии и тактики дополняют друг друга. В качестве примера разбирается ответ министра строительства В.В. Якушева на заседании Совета Федерации № 455 на вопрос сенатора Л.З. Талабаева о сокращении объема непригодного для проживания жилищного фонда. Просьба разъяснить ситуацию потенциально угрожает положительному имиджу чиновника, так как метраж качественного жилищного фонда увеличивается очень медленно из-за бюрократических проволочек. Приглашенное должностное лицо использует 9 митигативных тактик в одном ответе, реализующих 5 основных митигативных стратегий, анализ которых представлен в Таблице 1 ниже.

Таблица 1. Митигация в речи В.В. Якушева на заседании Совета Федерации № 455

Ответ В.В. Якушева	Митигативные языковые средства
<p><i>Уважаемые коллеги (1), честно говоря (2), мне кажется (3), если с этим проектом у нас еще будет пробуксовка (4), то, наверное (5), будет стыдно. <u>Причем должно быть стыдно и субъектам Российской Федерации, и му-</u></i></p>	<p>1) Митигативное обращение <i>Коллеги!</i>, позволяющее сократить дистанцию между контрагентом и агентами, поддерживает тактики интимизации, представленные далее.</p> <p>2) Тактика демонстрации установки на открытость, которая реализуется при помощи вводного слова <i>Честно говоря</i>.</p>

<p><u>ниципалитетам, и нам, как профильному министерству, и Фонду содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства</u> (6), <u>потому что до этого момента, реализуя эту программу достаточно длительное время, мы довольно серьезно потренировались и отработали все механизмы</u> (7). Механизмы не претерпели особых изменений. На эту программу выделен 431 миллиард федеральных средств, причем уменьшено софинансирование субъектов. Если раньше было 50 на 50, а по факту получалось 52 на 48, даже 52 процента субъекты собственных средств в эту программу вложили, учитывая ее важность... Мне кажется (8), все региональные и муниципальные команды сегодня к реализации этого проекта готовы. Единственный момент – 28 февраля по поручению Президента Российской Федерации мы внесли изменения в федеральный закон № 185 и Жилищный кодекс, но дали дополнительные возможности субъектам Российской Федерации или, как мы говорим, дополнительные опции. И это не что-то выдуманное, взятое из космоса, это лучшие практики, которые субъекты наработали при</p>	<p>3) Тактика снижения уверенности и подчеркивания субъективности высказывания, которая реализуется благодаря вводной конструкции с дуальной семантикой (<i>Мне кажется</i>).</p> <p>4) Тактика эвфемизации: реальная проблема ('откладывание решения жилищного вопроса') не называется, используется эвфемизм <i>пробуксовка</i>, который нивелирует проблему.</p> <p>5) Тактика снижения уверенности, реализуемая при помощи вводного слова <i>наверное</i>.</p> <p>6) Тактика разделения ответственности, которую ПДЛ реализует, включая в круг ответственных за обсуждаемую проблему ряд органов власти (региональные и муниципальные власти, министерство).</p> <p>7) Тактика демонстрации вовлеченности властей в решение проблемы. Властям, по мнению министра, должно быть стыдно за то, что они выработали механизмы решения проблемы, но не применили их. Хотя выдающихся результатов работы нет, обособленное обстоятельство, выраженное деепричастным оборотом с опорным деепричастием несовершенного вида <i>реализуя</i> и словосочетание <i>длительное время</i>, подчеркивающее продолжительность действия, позволяет продемонстрировать, что власти работают. Глаголы совершенного вида <i>потренировались</i> и <i>отработали</i> создают иллюзию, что работа приносит ощутимые результаты. С одной стороны, выражение <i>отработать механизмы</i> показывает, что деятельность властей не проста, так как лексема <i>механизм</i> имеет значение 'набор деталей, расположенных особым образом и работающих по определенной схеме, имеющих определенную</p>
--	---

<p><i>реализации предыдущей программы. Поэтому мы их облачаем в нормативное регулирование, и у субъектов появится возможность использовать те денежные средства, которые они получают, на то, чтобы увеличить объемы сносимого аварийного фонда. <Объяснение сути изменения, демонстрация их выгоды для населения. Благодарность.></i></p>	<p>функцию'. С другой стороны, остаётся непонятным, что же именно конкретно было сделано. Последующее разъяснение <i>механизма</i> – лишь статистика, рассказывающая об объеме финансирования проблемной отрасли.</p> <p>8) Тактики снижения уверенности в собственных словах и подчеркивания субъективности высказывания в заявлении министра о том, что государственная машина сегодня готова решить назревшую проблему аварийного жилья.</p> <p>9) Тактика аргументации: указание на факторы, затрудняющие решение проблемы. ПДЛ использует устоявшийся эвфемизм <i>момент</i> в значении 'фактор, мешающий решению проблемы'. Откладывают незамедлительное решение жилищного вопроса поправки, внесенные вышестоящей властью (президентом). Отметим, что такие поправки оцениваются положительно и называются <i>лучшими практиками</i>.</p>
--	--

В **Заключении** подводятся итоги исследования и намечается вектор его развития – исследование митигации в разных типах дискурса и лингвокультур с целью установить изоглоссы в использовании митигативного инструментария разными типами коммуникантов.

Основные положения диссертационного исследования

изложены в следующих публикациях автора:

Статьи в журналах, включённых в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук:

1. **Труханова Д.С., Саакян Л.Н.** Метарефлексив в функции коммуникативного смягчения // Русский язык за рубежом. Аспирантский вестник. – 2019. – № 3. – С. 51-58. (ВАК, 0,85 // 0,425 п.л.)

2. **Труханова Д.С.** Псевдосогласие с критической оценкой как митигативная тактика и его языковые репрезентации // Казанская наука. – 2019. – № 4. – С. 70-78. (ВАК, 0,82 п.л.)

3. **Труханова Д.С.** Митигативный потенциал обращения в институциональном политическом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Том 12, № 11. – С. 211-215. (ВАК, 0,69 п.л.)

4. **Труханова Д.С.** Правительственный час как коммуникативное событие // Верхневолжский филологический вестник. – 2020. – № 1 (20). – С. 94-104. (ВАК, 1,17 п.л.)

Статьи в прочих научных изданиях:

5. **Труханова Д.С.** Местоимение «МЫ» как средство коммуникативного смягчения // Материалы II Международной заочной конференции «Язык. Культура. Коммуникация». – М., 2017. – С. 124-127. (0,17 п.л.)

6. **Труханова Д.С.** Улыбка как средство митигации в непосредственном и опосредованном общении // Приоритеты современной филологической науки в осмыслении поликультурного пространства. Сборник материалов конференции для молодых ученых 6-7 декабря 2018 г. – Уфа: БашГУ, 2018. – С. 81-86. (0,64 п.л.)

7. **Труханова Д.С.** Манипулятивный потенциал митигации // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2019» [Электронный ресурс] – М.: МАКС Пресс, 2019. – 1 ё-9 (DVD-ROM); 12 см. (0,15 п.л.)

8. **Труханова Д.С.** Митигация и конфликтное общение // Материалы III международной научно-практической конференции «Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования». 11-12 апреля 2019 г. – Пятигорск, 2019. – С. 310-317. (0,33 п.л.)

9. **Труханова Д.С., И. Хэ.** Лексика с рассеянной семантикой как средство реализации митигации в политическом дискурсе // Международная студенческая научно-практическая конференция «В мире русского языка и русской культуры». Сборник тезисов. – М., 2019. – С. 237-239. (0,1 п.л.)

10. **Труханова Д.С.** Митигация в ситуации сообщения негативной информации // Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XX Кирилло-Мефодиевские чтения» в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур, 23–25 мая 2019 года: сборник статей. – М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 708-712. (0,29 п.л.)

11. **Труханова Д.С., Саакян Л.Н.** Безличные предложения как средство реализации митигации в политическом дискурсе // Материалы VII Международной научно-практической конференции «Гуманитарные технологии в современном мире». – Калининград, 2019. – С. 105-108. (0,36 // 0,18 п.л.)

12. **Труханова Д.С.** Вербализация конфликтной информации в парламентском дискурсе // Горизонты современной русистики: сборник статей Международной научной конференции, посвященной юбилею академика В.Г. Костомарова (30–31 января 2020 г.). – М: Гос.ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2020. – С.639-644. (0,32 п.л.)